

УДК 94(436).08+329.17+378.1

doi 10.17072/2219-3111-2025-3-56-68

EDN: EQMAEQ

ASJC 1202

ГРНТИ 03.09.31

Ссылка для цитирования: *Баченина В. В.* Антисемитизм Карла Люэгера и его влияние на университеты Австро-Венгрии // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 3(70). С. 56–68. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-3-56-68. EDN: EQMAEQ.

АНТИСЕМИТИЗМ КАРЛА ЛЮЭГЕРА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА УНИВЕРСИТЕТЫ АВСТРО-ВЕНГРИИ¹

В. В. Баченина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

v.v.bachenina@mail.ru

Researcher ID: OFN-3471-2025

SPIN-код: 7509-0737

Рассматривается антисемитский дискурс в политической стратегии Христианско-социальной партии (ХСП) и ее лидера Карла Люэгера на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделено влиянию партийной риторики и выступлений Люэгера на трансформацию сферы высшего образования в австрийской половине Дуалистической монархии. Автор делает акцент на том, что антисемитизм Люэгера служил политическим средством мобилизации сторонников, сочетавшим антикапиталистические, националистические и клерикальные мотивы. В его основе лежали противопоставление «свои – чужие» и обращение к общественному недовольству широких слоев населения. Были выявлены механизмы влияния христианских социалистов на академическую среду с использованием антисемитского дискурса, в частности через противопоставление немецко-националистических ценностей еврейской культуре и образу жизни, дискредитацию интеллектуальной университетской элиты и союз с католической церковью. В исследовании подчеркивается, что антисемитская риторика и практические действия Люэгера и его партии в академической сфере были не побочным продуктом их политики, а целенаправленной кампанией по изменению социального и идеологического ландшафта австрийского общества. Результаты исследования демонстрируют, что при отсутствии формальной сегрегации политика Люэгера формировала климат нетерпимости, ограничивала академические возможности еврейских ученых и способствовала распространению антисемитских стереотипов среди будущей элиты. Через дискурсивное противопоставление, дискредитацию противников и союз с политическими и религиозными силами деятельность ХСП и Люэгера в сфере высшего образования внесла вклад в популяризацию и политизацию антисемитизма и способствовала формированию идеологического фундамента для последующих политических процессов в австрийском обществе.

Ключевые слова: национализм, антисемитизм, университет, Христианско-социальная партия, евреи, рекатолизация, католическая церковь.

Вена конца XIX в. представляла собой многонациональную имперскую столицу, в которой остро стояла проблема перенаселения. Юридическое равенство, закрепленное Декабрьской конституцией 1867 г., привело к значительному притоку евреев из Галиции и Богемии. К 1890 г. число венцев, определявших себя как евреи, достигло 145 тыс. из общего числа жителей в 1 млн 674 тыс. чел., хотя еще в 1857 г. венцев-евреев было лишь 6 тыс. из 500 тыс. жителей Вены [Antisemitismus..., 2019, S. 232]. Рост численности евреев стал причиной усиления социальной напряженности. На рубеже веков не было города, где еврейская проблема стояла бы так остро, как в Вене [Kohn, 1962, S. 26]. Во-первых, христианский средний класс ощущал экономическую и социальную конкуренцию, что усугубляло их подозрительное отношение к еврейскому населению. Переполненность социальных учреждений, таких как больницы и приюты, привела к призывам отказывать в помощи некоторым группам мигрантов, включая во-

сточноевропейских евреев [Hamann, 1996, S. 220]. Тот факт, что еврейская идентичность вполне сочеталась с позиционированием себя как австрийских граждан, способствовала распространению стереотипных представлений о «воображаемых евреях» [Antisemitismus..., 2019, S. 232], наделяемых различными негативными качествами. Во-вторых, многонациональный характер Вены и усиление еврейского присутствия представляли проблему для немецких националистов, считавших, что столица должна выражать «немецкий гений» и быть символом немецкого превосходства в монархии [Geehr, 1990, S. 20]. Часть националистически настроенных австрийских немцев рассматривала набиравшие популярность идеи Чарлза Дарвина о прогрессивном развитии человечества как подтверждение своей веры в превосходство немецкого населения над другими австрийскими народами [Hamann, 1996, S. 141].

Одной из арен конкуренции между национальными группами за доступ к культурным ресурсам и возможностям развития национального самосознания являлись образовательные учреждения [Horel, 2023, p. 228]. Пропагандистские усилия националистических лидеров были нацелены на молодежь, в частности студенчество, как на будущую социальную, политическую и интеллектуальную элиту. По мнению Ф. Альтбаха, для студенчества всегда была характерна политическая активность, которая являлась неотъемлемой частью академической среды и влияла не только на университеты, но и на общество в целом [Student Revolt..., 2018, p. 1–2]. Эта активность в сочетании со стремлением определить «своих» и «чужих» в рамках университетского сообщества способствовала проникновению в эту среду разного рода националистических и антисемитских идей.

Одним из первых антисемитские убеждения начал высказывать бургомистр Вены и лидер Христианско-социальной партии (ХСП) Карл Люэгер (1844–1910). Он поддерживал немецких националистов и подчеркивал, что «Вена – немецкий город и таковым останется», предвещая протесты австрийских немцев в случае нарушения этого «правила» (Deutsches Volksblatt, 1908). Целью данного исследования является проследить, как Люэгер задействовал антисемитизм в своем политическом дискурсе и какой эффект имели его антисемитские высказывания в университетской среде. Какие настроения пытались сформировать у студентов и профессоров австрийские христианские социалисты с помощью антисемитской риторики? Какие каналы, методы и инструменты они для этого использовали? И, наконец, какое влияние оказала их деятельность на трансформацию системы высшего образования в австрийской части монархии? Необходимо отметить, что эти аспекты остаются малоизученными в историографии, поскольку университеты не являлись приоритетной целью Люэгера и контролировались не ратушей, а венским Министерством культов и просвещения. К тому же сложилось убеждение, что националистические настроения в университетской среде определялись скорее деятельностью Георга фон Шёнерера (1842–1921) и австрийских пангерманистов [Баченина, 2024, с. 54], чем влиянием Люэгера и ХСП.

С 1851 по 1910 гг. число студентов в австрийских университетах и высших технических училищах возросло примерно в четыре раза [Корэн, 1995, с. 157], что свидетельствовало не только о росте общественного интереса к получению высшего образования, но и его относительной доступности. Если во второй половине XIX в. рост числа учащихся в высшем и среднем образовании рассматривался многими как показатель прогресса, то уже в 1899 г. анонимный наблюдатель высказал свое беспокойство в особо мрачных тонах: «Это стремление во что бы то ни стало повысить свой социальный статус является, по сути, темной стороной наших общественных отношений, ибо свидетельствует о глубочайшем непонимании роли и значения образованного крестьянина или ремесленника..., за которое приходится расплачиваться... уже-стоящейся борьбой за существование» [Там же, с. 165–166]. Рост числа учащихся в высшем образовании также обострил конкуренцию между национальными и религиозными группами. В 1850–1914 гг. католики составляли по меньшей мере 70 % от общего количества студентов университетов и высших технических училищ, однако число евреев, поступавших в высшие учебные заведения, неуклонно росло, обгоняя темпы роста доли евреев в средних школах [Там же, с. 162]. Австрийский писатель еврейского происхождения Стефан Цвейг (1881–1942) в своих мемуарах отмечал, что представление о стремлении евреев исключительно к экономическо-

му процветанию было ложным: «Подлинная воля еврея, его имманентный идеал в том, чтобы взлететь в духовные выси, в более высокую культурную сферу» (Цвейг, 2025, с. 22). Действительно, евреи добились значительных успехов в университетах Австро-Венгрии, составляя в среднем, по данным Б. Хаманн, около 24,5 % от общего числа студентов, причем большинство из них обучалось в Вене и Праге. Для евреев образование являлось символом прогресса [Бекмухаметова, 2010, с. 63], поэтому имперская столица привлекала их перспективами в этой сфере. Наиболее популярными для еврейских студентов были медицинский и юридический факультеты: в 1913 г. евреи составили более 40 % студентов-медиков и 25 % студентов-юристов Венского университета [Hamman, 1996, S. 469]. Еще одним популярным направлением была журналистика, где с 1890 по 1910 гг. доля еврейских студентов увеличилась с 36,8 до 42,4 % [Die Habsburgermonarchie..., 1980, S. 921].

Одной из главных проблем, к которым привел приток еврейских студентов в высшее образование, стали конфликты в университетах. Рост националистических настроений привел к тому, что важное социальное значение приобрела «немецкая» ориентация, распространившаяся среди образованной элиты, студентов и молодых ученых [Bruckmüller, 1998, S. 370]. Австро-швейцарский банкир Феликс Сомари (1881–1956), учившийся в Венском университете, вспоминал: «Здесь мы не дискутировали, а дрались, и не за стародавние проблемы, а за будущее... Когда я говорю “мы”, я имею в виду всю образованную венскую молодежь того времени» (Somary, 1959, S. 24). Это явление Стефан Цвейг описывал с другой точки зрения: «То, что для национал-социализма делали штурмовики..., немецким националистам в Австрии обеспечивали студенты, которые под защитой университетской неприкосновенности учиняли беспрецедентные бойни. ...Полиция ограничивалась тем, что подбирала истекающих кровью потерпевших, которых хулиганы просто сбрасывали с лестницы» (Цвейг, 2025, с. 78). Такое контрастное изображение атмосферы Венского университета начала XX в. свидетельствует о поляризации венского общества, в котором сосуществовали интеллектуальные дебаты и насилие на почве национальной и религиозной ненависти. С одной стороны, это был период борьбы за будущее, в которой принимала участие образованная молодежь. С другой – студенты-националисты, пользуясь университетской неприкосновенностью, совершали акты насилия и травли, особенно в отношении евреев, при попустительстве полиции. Такое положение вещей демонстрировало рост антисемитских настроений и их безнаказанность.

Именно в этих условиях давление на учреждения высшего образования начали оказывать массовые политические партии, в том числе ХСП во главе с Люэгером, который считал университеты местами «подрывной, революционной деятельности» (Stenographisches Protokoll, 1908, S. 2996). Его приход к власти в Вене в 1897 г. ознаменовался смещением фокуса на социальные проблемы «маленьких людей» [Сироткина, 2008, с. 151], сохранение «немецкого характера» города и усиление антисемитской риторики.

Карл Люэгер, «выходец из низов» [Hamann, 1996, S. 401], получил юридическое образование и с 1866 г. занимался адвокатской практикой. С самого раннего детства его мать внушала ему мысль об образовании как способе достичь более высокого общественного положения. На формирование его политических взглядов оказал влияние доктор Игнац Мандль (1833–1907), врач еврейского происхождения. Однако после начала его политической карьеры и избрания в ратушу в 1875 г. Люэгер постепенно перешел от либеральных взглядов к немецкому национализму, а затем к антисемитизму, вступив в «Христианско-социальный союз» в 1887 г. Это в конечном итоге привело к разрыву с Мандлем. Вскоре Люэгер стал лидером союза, преобразовав его в массовую Христианско-социальную партию на основе антисемитской идеологии. Одними из его ключевых принципов стали объединение идей антисемитизма и национализма и призыв к «единству всех антисемитов» [Whiteside, 1975, p. 147–148]. В рейхсрате Люэгер, используя в разных вариациях антисемитский лозунг «Не дадим превратить Вену в Иерусалим», выступал против евреев, обвиняя их в стремлении к «мировому господству» и защите интересов крупного капитала (Stenographisches Protokoll, 1890, S. 13391). В 1890 г. он выступил с речью против евреев, которую цитировали и десятилетия спустя: «Евреев в Вене – как песка в море..., пойдешь на Рингштрассе – евреи..., пойдешь в университет – и тут одни евреи. Господа, я же не

виноват, что почти все журналисты – евреи, и только кое-где в редакциях найдется т.н. христианин, которым в случае необходимости можно прикрыться, чтобы никого не испугать» (Ibid., S. 13385, 13388). ХСП активно выступала за распространение австрийской немецкой культуры, литературы, музыки и искусства, подчеркивая их «национальный» характер в противовес «еврейской» культуре и ее влиянию. Своей целью ХСП считало защиту христиан и предотвращение превращения «старой христианской империи Австрии» в «новую палестинскую империю» (Ibid., S. 13391). Партия апеллировала к чувству социальной справедливости и тем самым стремилась создать иллюзию единства среди различных слоев населения.

Ораторское мастерство Люэгера поражало современников. Как писала его любовница Марианна Бескиба (1869–1934), он обладал невероятной способностью подчинять себе людей, его выступления вызывали бурный восторг и сопровождались громкими аплодисментами, а сам он, по ее словам, после выступления был «весь в поту» (Beskiba, 1905, S. 6). Австро-венгерский писатель и критик Феликс Зальтен (1869–1945) описывал этот эмоциональный накал, с которым Люэгер рассуждал о своем отношении к евреям: «Затем приходит этот человек и... убивает еврея на глазах у ревущей толпы. На ораторской трибуне он убивает его [еврея] словами, закалывает, разрывает на куски, бросает его в жертву народ... И вы вздыхаете с облегчением» (Salten, 1910, S. 132). Антисемитизм позволял «прекрасному Карлу», как называли Люэгера современники, создать чувство общности среди австрийских немцев, объединенных ненавистью к общему врагу. Эта ненависть основывалась на уходящем вглубь веков католическом антииудаизме. Для Люэгера в целом было характерно смешение в своей антисемитской риторике не любви к евреям, неприятия социал-демократов, антикапитализма и антилиберализма. Антилиберальная направленность особенно проявлялась в отношении к либеральной газете *Neue Freie Presse*, которую он называл «еврейской либеральной прессой» (Stenographisches Protokoll, 1908, S. 2996). Говоря о социал-демократии, Люэгер любил отмечать, что «может, кто из них [лидеров Социал-демократической партии] и крещен, но совершенно точно есть и настоящие [евреи]» (Deutsches Volksblatt, 1905). Таким образом, для Люэгера «евреями» становились все противники христианских социалистов.

Вильгельм Эллиенбоген (1863–1951), ведущий австрийский социал-демократ и врач еврейского происхождения, считал, что «травля евреев» со стороны Люэгера была «чистым мошенничеством» и не имела ничего общего с «глубоко укоренившейся ненавистью к евреям», вдохновленной католической церковью и давно существовавшей в Австрии (Ellenbogen, 1899, S. 418–419). Он утверждал, что антисемитизм Люэгера был построен лишь на «нестабильном союзе людей, объединенных общими социально-экономическими интересами» и «эксплуатации грехов своих противников» (Ibid., S. 422). *Arbeiter-Zeitung*, ежедневная газета Социал-демократической партии, подчеркивала, что антисемитизм Люэгера и ХСП в Вене был всего лишь «дымовой завесой», призванной обмануть «маленького человека»; на самом же деле, христианские социалисты были союзниками семьи Ротшильдов, банкиров еврейского происхождения (Arbeiter-Zeitung, 1897, S. 2). Таким образом, многие современники считали, что антисемитизм Люэгера не был расистским, а, скорее, казуистическим и популистским. В дальнейшем исследователи согласились с этой точкой зрения. Например, по мнению Дж. Бойера, антисемитизм Люэгера никогда не был доктринерским и использовался в тактических целях для создания сплоченного и однородного венского общества [Boyer, 1981, p. 411–420]. Расистский антисемитизм, характерный для австрийских пангерманистов, почти никогда не встречался в Вене в чистом виде, а в основном только в сочетании с более традиционными экономическими, религиозными и культурными мотивами [Whiteside, 1975, p. 52–53]. В 1890-е гг. большинство евреев среднего класса, интересующиеся политикой, гораздо больше боялись экономических последствий антисемитизма или религиозных гонений, чем расистской риторики политиков [Boyer, 2010, S. 40].

ХСП не давала четкого определения понятию «еврей» [Wien, 2006, S. 218]. По мнению Р. Вистриха, Люэгер никогда не был ни убежденным антисемитом, ни набожным католиком [Wistrich, 1983, p. 254]. Примерно такого же мнения был австрийский публицист и социал-демократ Фридрих Аустерлиц (1862–1931), который утверждал, что Люэгер «не изобрел анти-

семитизм», а лишь придал ему политическое выражение, чтобы использовать массовое недовольство «либеральной гегемонией», которая в Вене приобрела, несомненно, «еврейский оттенок» в конце XIX в. (Austerlitz, 1901, S. 40–41). Кроме этого, Люэгер никогда не говорил о том, что в итоге он хотел сделать с евреями, как он представлял себе решение вопроса. Для него важнее было обозначить сам процесс, «борьба» с евреями была для него самоцелью. Аустерлиц вспоминал: «Люэгер не хочет изгнать евреев или лишить их гражданского равенства, он лишь «борется» с ними» (Ibid., 1901, S. 36). По мнению Э. Уайтсайда, «конфессиональный антисемитизм», характерный для Люэгера, часто выражаясь в жестоких словесных и физических нападениях на евреев, «не нуждался в проповеди “тотального решения” еврейской проблемы, присущего расовому антисемитизму» [Whiteside, 1975, S. 60–61].

Люэгер как антисемит ограничился политическими и экономическими проблемами и избегал примитивных суеверий или аргументов, основанных на расовой теории [Ehrlich, 2010, S. 98]. Однако, в отличие от высказываний лидера христианских социалистов, публичная риторика его наиболее агрессивных сторонников, таких как Э. Шнайдер или Э. Вергани, часто «была неотличима от риторики самых шумных пангерманистов, пьющих пиво» [Wistrich, 1983, p. 253]. Так, христианско-социальный депутат Эрнст Шнайдер (1850–1913) заявил в рейхсрате в 1901 г., что «еврейский вопрос – это расовый вопрос, вопрос крови, вопрос культуры, который можно решить только кровью и железом» (Stenographisches Protokoll, 1902, S. 7044). Люэгер не запрещал радикальным членам своей партии выступать с речами. Вероятно, это было связано с тем, что он хотел привлечь на свою сторону не только «умеренных» антисемитов, но и более радикальных, в частности сторонников лидера австрийских пангерманистов Г. фон Шённерера. Люэгер позволял своим сторонникам использовать грубые формулировки, оставляя за собой возможность казаться на их фоне более взвешенным и миролюбивым политиком-бургомистром, при этом охватывая с их помощью большее количество антисемитски настроенных граждан в качестве электората.

Люэгер, публично демонстрируя антисемитизм, в частной жизни общался и сотрудничал с евреями, сделав своим кредо фразу «Я решаю, кто еврей!» [Wistrich, 1983, p. 255]. Он умело разыгрывал карту миролюбия, утверждая, что он «не раз защищал евреев вопреки воле», являясь примером «кроткого лидера», которых «немного найдется у других партий» (Deutsches Volksblatt, 1905). Люэгер принимал тех, кто поддерживал его, и, в отличие от Шённерера, основывал определение еврейства на вероисповедании, допуская даже крещеных евреев в свое окружение. Среди них были, например, Альберт Гессман (1852–1920), доктор философии Венского университета и член Венской ратуши, и Рудольф Зигхарт (1866–1934), австрийский юрист и сторонник ХСП. Личное благожелательное отношение венского бургомистра к евреям выразилось в его известном заявлении ведущему деятелю Венского общества культуры (нем. *Kulturgemeinde*) Зигмунду Майеру (1842–1910): «...я не враг нашим венским евреям; они не так уж плохи, и мы действительно не можем обойтись без них» (Mayer, 1917, S. 475). По мнению Х. Арендт, несмотря на антисемитизм Люэгера, евреи во время его пребывания на посту бургомистра Вены жили лучше, чем когда-либо [Arendt, 2000, S. 86]. Благоприятное развитие экономики и огромное количество деловых контактов неевреев с евреями делали враждебность по отношению к последним в определенной степени терпимой [Hödl, 2019, p. 108]. По этому поводу лидер социал-демократов Виктор Адлер (1852–1918) замечал, что «еврейский страх перед антисемитами был сравним только со страхом антисемитов перед евреями» (Adler, 1889, S. 2).

Не менее важным, чем антисемитская риторика, элементом стратегии ХСП было дистанцирование от интеллектуальной элиты. Начав свою карьеру в либеральном лагере как «доктор Люэгер», бургомистр превратился в «прекрасного Карла», «заклинателя масс» [Шорске, 2001, с. 185]. Зальтен дал такую характеристику методам Люэгера: «Он сидел рядом с ними [мелкой буржуазией], он был одним из них... Те, кто не входил в их число, а именно профессора и доктора, ученые и интеллектуалы, казалось, больше не существовали...» (Salten, 1910, S. 133). И еще: «Он, образованный человек, доктор, юрист, рвет на клочки врачей, юристов, оскорбляет профессоров, издевается над наукой...» (Salten, 1926, 137). Таким образом, Люэгер, сознательно дистанцируясь от интеллектуальной элиты и пренебрежительно отзываясь о профессорах,

укреплял связь с мелкой буржуазией, подчеркивая свою близость к народу и используя необразованность своих сторонников как инструмент для их мобилизации.

Несмотря на то что у ХСП не было прямого контроля над учреждениями высшего образования, антисемитизм в «люэгеровском» варианте получил в них широкое распространение. Христианские социалисты понимали важность формирования мировоззрения молодежи в стенах университетов. Их ключевым инструментом являлась пропаганда, направленная на немецкое студенчество. ХСП издавала газету *Deutsches Volksblatt* и распространяла листовки с антисемитскими карикатурами и статьями, активно формируя негативный образ евреев и внедряя антисемитские стереотипы. Массовые митинги и лекции, проводимые Люэгером и его соратниками, служили платформой для открытой критики еврейского сообщества. Так, Йозеф Шайхер (1842–1924) заявлял, что в «христианские учреждения» – школы и университеты, «построенные на деньги христиан», – приходится допускать «этих полудоминированных пришельцев с востока, семитов из Галиции и Венгрии» (Scheicher, 1900, S. 76). Подобные заявления создавали негативный культурный фон среди молодежи. Шайхер энергично агитировал против евреев в рейхсрате, о чем свидетельствует следующая цитата из его речи 2 июня 1899 г.: «Мы требуем, чтобы евреям больше не разрешалось поступать в университет и евреям не разрешалось преподавать там... Отныне мы ведем войну против евреев» [Ehrlich, 2010, S. 63]. Не позднее 1889 г. ведущие венские студенческие союзы исключили всех членов-евреев, включая тех, кто был крещен [Boyer, 2010, S. 41]. Для таких евреев, чувствовавших себя носителями немецкой культуры, «мир рухнул», когда национальные союзы в университетах начали их исключать из своего состава [Ehrlich, 2010, S. 59].

Осенью 1907 г. австрийскую половину монархии охватили студенческие волнения, отмеченные столкновениями между студентами разной национальной принадлежности и политической ориентации (*Neue Freie Presse*, 1907, S. 11–12). На этом фоне Люэгер выступил в рейхсрате с речью и призвал «навести порядок в университетах» и «защитить немецких студентов-католиков»: «Необходимо навести порядок [в университетах], ... чтобы достичь соглашения в интересах всей немецкой нации в Австрии, потому что иначе... на немецкую нацию в Австрии будут смотреть свысока... и они [немецкие студенты-католики] станут посмешищем для всех других народов, особенно евреев» (Stenographisches Protokoll, 1908, S. 2997). Многочисленность еврейских студентов, по его мнению, препятствовала интересам студентов-христиан: «Если бы мы [христиане] имели равные права, то около 80 % евреев, которые в настоящее время посещают университет, должны были бы покинуть его...» (Ibid.).

Политика Люэгера, хотя и не вводила формальных ограничений, создавала атмосферу дискриминации, затрудняя поступление евреев в престижные учебные заведения. Показательным в данном случае является конфликт между школами Карла Кёнинга (1841–1915) в Техническом высшем училище (нем. *Technische Hochschule*) и Отто Вагнера (1841–1918) в Академии изящных искусств. Помимо дебатов об архитектурной теории, антагонизм между этими школами усугубляли радикализирующиеся антисемитские настроения. Если раньше выпускники Технического высшего училища, около трети которых составляли евреи, часто продолжали свое обучение в Академии, то после 1890-х гг. этой традиции был положен конец. Евреи редко учились в Академии изящных искусств и уж тем более в мастерской Вагнера, который имел тесные связи с Люэгером. Такая кулуарная поддержка дискриминационных практик и создание атмосферы неприязни к евреям ограничивала их возможности для развития в профессиональной сфере.

В конечном итоге после получения образования евреи сталкивались с трудностями при трудоустройстве. К примеру, в 1890-х гг. в Вене было много евреев, окончивших юридический факультет, но крайне немногим из них было разрешено работать судьями. Люэгер заявил в рейхсрате в 1890 г.: «Могут ли христиане что-либо сделать с тем, что 50 % юристов Вены – евреи, и большинство медиков – евреи? Мы ничего не можем с этим поделать, но все это в совокупности должно было породить антисемитизм, и оно его породило» (Stenographisches Protokoll, 1890, S. 13389). Антисемитская пропаганда апеллировала к недовольству государственных служащих без высшего образования, которые во многих случаях не получили его из-за нехватки финансов, и были вынуждены поступить на первую подвернувшуюся администра-

тивную должность. Их статус и уровень заработной платы были несопоставимы с положением тех, кто имел университетское образование. Разочарование в результате медленного продвижения по службе и высокой конкуренции приводило к поиску виновных в неудачах, которыми становились юристы-евреи или юридические факультеты с их непропорциональным присутствием евреев. Когда Люэгер и другие антисемиты выступали против богатых евреев, численность которых увеличивалась в университетах, они также спекулировали чувством неполноценности и зависти мелких госслужащих [Boyer, 2010, S. 135].

Дискриминационные ограничения затронули и сферу университетского преподавания, поскольку Люэгер и его сторонники отдавали предпочтение профессорам с антисемитскими взглядами, хотя не было никакой формальной «проверки» на антисемитизм. В своей речи 1907 г. Люэгер заявлял: «Разве это равные права, когда среди восьми назначенных профессоров мы видим семь евреев? Мы хотим равных прав; мы хотим, чтобы университет, который когда-то принадлежал немецкому христианскому народу, снова принадлежал ему» (Stenographisches Protokoll, 1908, S. 2997). Несмотря на отсутствие формального запрета со стороны венской администрации, еврейские ученые сталкивались с препятствиями при получении профессорских должностей и признания в академической среде. Например, Венскому союзу народного образования, организовывавшему выступления видных ученых, оказывали противодействие в связи с тем, что он упорно отказывался отменить доклады «евреев и их прислужников» вопреки желанию бургомистра [Leisching, 1978, S. 138]. Союзу отказывали в помещениях, блокировали его счета, несмотря на то что его президентом был Альфред фон Арнет (1819–1897), католик и президент Императорской академии наук.

Еврейским ученым приходилось дольше ждать профессорских должностей, потому что факультеты продвигали католиков. Евреев принимали как внештатных университетских доцентов (аналог приват-доцентов в Германии), но препятствовали назначению на должности ординарных профессоров, имевших право голоса в важных академических вопросах. Именно эту особенность карьерного неравенства «забыл» упомянуть Люэгер в речи 1907 г., приводя статистику в качестве доказательства того, что цислейтанские университеты превращаются в «еврейские оплоты» (Ehrlich, 1907, S. 811–812). Должность университетского доцента была практически неоплачиваемой, вследствие чего они были вынуждены заниматься другой деятельностью, например, чтением вечерних лекций на т.н. народных курсах (нем. *Volkskurse*) [Surman, 2019, p. 241]. Согласно современным исследованиям, доля еврейских ученых в Венском университете в 1910 г. составляла в среднем около 40 % (50–60 % на медицинском факультете и 21 % на философском факультете) [Beller, 1991, p. 36]. Однако только 10 % из них занимали профессорские должности, университетских доцентов было гораздо больше [Cohen, 1996, S. 232–233].

Антисемитские взгляды распространились и за пределы Венского университета. В частности, в 1914 г. на страницах польскоязычного журнала *Krytyka* обсуждался вопрос о том, оправдан ли отказ евреям в получении степени хабилизированного доктора, дающей право на занятие профессорской должности в университете, поскольку на такие должности следовало продвигать поляков-католиков. В письме редактору описывалось несколько случаев, когда еврейские ассистенты медицинского факультета Краковского университета эмигрировали после того, как им отказали в возможности пройти хабилизацию. В ответ некий «доктор К. Л.», судя по тону статьи, сам не еврей и не сторонник еврейства, отметил, что это стало утратой для польской науки, и перечислил несколько врачей еврейского происхождения, внесших существенный вклад в развитие польской научной мысли [Surman, 2019, p. 237]. Его заявление вызвало однотипную реакцию: в редакцию журнала поступили письма, авторы которых утверждали, что существует бесчисленное множество примеров, когда поляки не могли получить университетскую должность, а потому ради польской науки следует продвигать поляков, а не сожалеть о том, что евреи не сделали карьеру. По умолчанию подразумевалось, что поляки, которых нужно продвигать по карьерной лестнице, должны быть католиками [Ibid., p. 238].

Речи Люэгера и членов ХСП во многом способствовала определенной «рекатолизации» университетов. В речи 1907 г. Люэгер подчеркнул стремление к «христианским ценностям» в образовании и необходимость усиления влияния католической церкви в университетах: «...но

нам еще предстоит проделать большую работу, особенно в деле покорения университетов» (Neue Freie Presse, 1907, S. 7). Действительно, римский католицизм, будучи опорой династии Габсбургов, получил дополнительное политическое влияние с помощью ХСП и антисемитской риторики Люэгера [Surman, 2019, p. 227]. Приверженность католической ортодоксии стала играть значительную роль при рассмотрении кандидатур на преподавательские должности не только в Вене, но и во всех цислейтанских университетах. Об этом хорошо знали претенденты на прохождение хабилизации и получение университетской должности, которые в своих резюме обязательно упоминали, что они католики. Так, представление кандидатуры Франца Тангля на должность профессора кафедры физиологии в Инсбрукском университете в 1904 г. сопровождалось следующим описанием: «Потомок немецкой католической семьи, которая в XVIII в. переехала из Тюрингии в Моравию, а оттуда в Венгрию» [Ibid., p. 229]. Затем отмечалось, что немецкий язык является его родным языком, описывалась его научная карьера, и только после этого шло краткое изложение идей Тангля в области физиологии [Ibid.].

Сотрудничество Люэгера с католической церковью, стремившейся укрепить свои позиции в образовании, было взаимовыгодным. В конце XIX – начале XX в. Лев XIII и Пий X стали проявлять интерес к организации научного и учебного процессов в стенах университета. Этот интерес привел к созданию «Общества Льва» (нем. *Leo-Gesellschaft, Verein zur Förderung von Wissenschaft und Kunst auf christlicher Grundlage*) и введению на теологических факультетах новых дисциплин, таких как «Христианская социология», «Христианская социальная наука», «История церковного искусства» и «Христианская археология». Однако попытка открыть в Зальцбурге Свободный католический университет в Австрии, независимый от государства и предназначенный для подготовки католических кадров, встретила сопротивление либералов и их критику в *Neue Freie Presse*. Венский профессор церковной истории Альберт Эрхард (1862–1929) опасался, что создание такого института приведет к его изоляции и отрыву от общественно-культурной жизни (Ehrhard, 1902, S. 361–382), а инсбрукский профессор канонического права Людвиг Вармунд (1860–1932) предостерегал от господства клерикализма в научных исследованиях. Ф. Зальтен иронизировал: «Этот народ [австрийцы] всегда был набожным и католическим. Однако набожность на какое-то время вышла из моды. Люэгер вернул ей цветение... Он позвонил в колокола и сказал: “Мне плевать на просвещение и науку”» (Salten, 1910, S. 137).

По словам А. Эрлих, Люэгер своей речью развязал «маленькую венскую культурную войну» [Ehrlich, 2010, S. 179–180]. В рейхсрате против него выступил Томаш Масарик (1850–1937). В ответ Люэгер еще раз пояснил, что он имел в виду лишь освобождение университетов от «закулисной, сложившейся вокруг назначения профессоров» (Stenographisches Protokoll, 1908, S. 2997), но Масарик потребовал защитить университеты от партийно-политических атак. 22 ноября 1907 г. ректор Венского университета Виктор Эбнер-Розенштейн (1842–1925) разместил в университете объявление с обвинениями в адрес Люэгера, а спустя три дня около 300 венских профессоров собрались на митинг протеста. Они направили коллективное письмо министру культов и просвещения для решения вопроса о свободе преподавания, которой, по их мнению, угрожал Люэгер.

В ответ на объявление Люэгером католической «реконкисты университетов» [Surman, 2019, p. 227], профессор Инсбрукского университета Людвиг Вармунд опубликовал брошюру «Католическое мировоззрение и свободная наука» (Wahrmund, 1908). В ней подчеркивались противоречия между церковной доктриной и «устоявшимися, даже доказанными убеждениями исторических, физических и философских наук» [Johnston, 1972, p. 60]. Ранее, еще в 1902 г., в работе «Религия и клерикализм» (нем. *Religion und Klerikalismus*) Вармунд высказывал идеи о разделении государства и церкви и предлагал признать университеты государственными учреждениями [Surman, 2019, p. 227]. Издание «Католического мировоззрения и свободной науки» вызвало серьезные протесты консерваторов, которые вышли на улицы Инсбрука с требованием уволить Вармунда с профессорской должности. В дело вмешались венский прокурор, конфисковавший скандальное издание, и папский нунций, требовавший увольнения профессора. Действия последнего для многих означали, что нунций превысил свои полномочия. Прогрессивные студенты всех национальностей выразили протест против вмешательства церкви в универси-

тетские дела. То, что началось как локальный инсбрукский конфликт, затем переросло во всеобщую студенческую забастовку, поддержанную частью профессоров. Венское министерство и руководство университетов пытались урегулировать конфликт, заверяя студентов в отсутствии угрозы академическим свободам. В дело вмешался даже император, который стремился к скорейшему прекращению «скандала» (Троицкий, 1913, с. 266). В Праге протесты в поддержку Вармунда даже привели к первой с 1859 г. совместной демонстрации чешских и немецких студентов. В конце концов инсбрукского профессора перевели в Немецкий университет в Праге [Surman, 2019, p. 227]. «Дело Вармунда» не только продемонстрировало, что религиозные вопросы имели приоритет над национальными, но и подчеркнуло неспособность властей защитить юридическую автономию университетов в условиях растущего религиозного и националистического давления.

Несмотря на осуждение позиции Люэгера частью университетского сообщества, ХСП стала одной из самых авторитетных массовых партий и привлекала молодое поколение образованных горожан, выходцев из католических студенческих союзов, что способствовало дальнейшему развитию партии. Однако со смертью Люэгера в 1910 г. выявилась слабость ХСП, неспособной найти достойного преемника своему лидеру, который мог бы сравниться с ним по популярности. Несмотря на то что ХСП не отказалась в своей риторике от антисемитизма, уход Люэгера привел к поражению партии на выборах 1911 г., особенно ощутимому в Вене.

Подводя итоги, следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. обеспечение лояльности и консолидированной поддержки населения представляло собой серьезную проблему для партийно-политических элит в полиэтничных и мультикультурных регионах. В мультиконфессиональной и многонациональной Вене, столице монархии Габсбургов, особенно остро стоял еврейский вопрос. Сильным присутствием евреев характеризовалась в том числе сфера высшего образования. Этот контекст обусловил обращение венского бургомистра и лидера ХСП партии Карла Люэгера к антисемитской риторике. Анализ позиции христиан-социалистов в отношении высшего образования в Австро-Венгрии выявил сложную картину взаимодействия политических, религиозных и националистических мотивов. Несмотря на отсутствие прямого контроля над образовательной системой, ХСП во главе с Люэгером активно влияла на формирование мировоззрения немецкого и еврейского студенчества. Стратегия партии была многогранной и опиралась на противопоставление «мы (австрийские немцы) – они (евреи)». Антисемитская пропаганда, продвижение немецких «национальных» ценностей в противовес «еврейскому» влиянию, создание атмосферы неприязни к евреям в университетах и дистанцирование от интеллектуальной элиты – все это способствовало формированию негативного образа евреев-студентов и евреев-профессоров и укрепляло поддержку ХСП среди различных слоев австро-немецкого населения. Хотя антисемитская риторика была лишь политическим инструментом для Люэгера, она оказала существенное влияние на формирование идеологического климата университетской среды, рост антисемитизма и национализма в австрийском обществе. ХСП создавала атмосферу, которая препятствовала карьерному росту еврейских ученых, дискриминировала еврейских студентов и способствовала распространению антисемитских идей среди будущей образованной элиты. Оппозиция политике ХСП со стороны университетской общест-венности косвенно проявилась в ходе таких событий, как «дело профессора Вармунда» и протест против открытия католического университета в Зальцбурге, которые обнажили противоречия между автономией университетов и давлением на них со стороны религиозных и националистических сил.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067/> (проект «Лояльность и патриотизм в полиэтничном обществе: процессы индоктринации в империи Габсбургов во второй половине XVIII – начале XX вв.»).

Список источников

Троицкий С.В. Защита христианства на Западе. СПб.: Тип. Синода, 1913. 291 с.

- Цвейг С.* Вчерашний мир: воспоминания европейца / пер. Г. Кагана. СПб.: Азбука, 2025. 480 с.
- Adler V.* Unser Parteitag und die Presse // Gleichheit. 12.01.1889. No. 2. Available at: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=gch&datum=18890112&zoom=33> (accessed: 05.02.2025).
- Arbeiter-Zeitung.* 26.05.1897. No. 144. Available at: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=aze&datum=18970526&zoom=33> (accessed: 05.02.2025).
- Austerlitz F.* Karl Lueger // Neue Zeit. Wochenschrift der deutschen Sozialdemokratie. Stuttgart: Verlag J.H.W. Dietz, 1901. Bd. 2. 832 S.
- Beskiba M.* Aus meinen Erinnerungen an Dr. Karl Lueger. Wien: Selbstverlag, 1905. 144 S.
- Deutsches Volksblatt.* 08.12.1905. No. 6084. Available at: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=dvb&datum=19051208&zoom=33> (accessed: 05.02.2025).
- Deutsches Volksblatt.* 07.04.1908. No. 6921. Available at: <https://alex.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=dvb&datum=19080407&zoom=33> (accessed: 05.02.2025).
- Ehrhard A.* Der Katholizismus und das zwanzigste Jahrhundert im Lichte der kirchlichen Entwicklung der Neuzeit. Stuttgart; Wien: J. Roth. 1902. 452 S.
- Ehrlich E.* Der Antisemitismus im Professorenkollegium der österreichischen Universität // Dr. Bloch's Oesterreichische Wochenschrift: Zentralorgan für die gesamten Interessen des Judentums. 1907. No. 49. Available at: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/cm/periodical/pageview/3041736> (accessed: 05.02.2025).
- Ellenbogen W.* Der Wiener Antisemitismus // Sozialistische Monatshefte, 1897–1933. 1899. No. 3(9). S. 418–425.
- Mayer S.* Die Wiener Juden: Kommerz, Kultur, Politik 1700–1900. Vienna; Berlin: Löwit, 1917. 521 S.
- Neue Freie Presse.* 17.11.1907. No. 15532. Available at: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=nfp&datum=19071117&zoom=33> (accessed: 02.04.2025).
- Salten F.* Das österreichische Antlitz: Essays. Berlin: Fischer Verlag, 1910. 276 S.
- Salten F.* Erinnerung an Lueger. Lueger-Denkmal // Neue Freie Presse. 19.09.1926. No. 22276. Available at: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=nfp&datum=19260919&zoom=33> (accessed: 05.02.2025).
- Scheicher J.* Aus dem Jahre 1920. Ein Traum von Landtags- und Reichsraths-Abgeordneten. St. Pölten: Gregora, 1900. 89 S.
- Somary F.* Erinnerungen aus meinem Leben. Zürich: Manesse, 1959. 431 S.
- Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. X Session am 13. Februar 1890 // Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Haus der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates.* Wien: k.k. Hof- und Staatsdruckerei, 1890. Bd. XI: 252–383 Sitzung. S. 9331–14188.
- Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. XVII Session am 22. Oktober 1901 // Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Haus der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates.* Wien: k.k. Hof- und Staatsdruckerei, 1902. Bd. VIII: 69–75. Sitzung. S. 6457–7368.
- Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. XVIII Session am 7. Dezember 1907 // Stenographische Protokolle über die Sitzungen des Haus der Abgeordneten des österreichischen Reichsrates.* Wien: k.k. Hof- und Staatsdruckerei, 1908. Bd. IV: 21–41. Sitzung. S. 1851–3054.
- Wahrmund L.* Katholische Weltanschauung und freie Wissenschaft: Ein populärwissenschaftlicher Vortrag unter Berücksichtigung des Syllabus Pius X und der Enzyklika «Pascendi Dominici Gregis». München: J.F. Lehmanns Verlag, 1908. 55 S.

Библиографический список

- Баченина В.В.* «Из Австро-Венгрии в Германскую империю»: коммуникативный подход и анализ идентичности австрийских пангерманистов Г. фон Шёнерера в Австро-Венгрии в конце XIX в. // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Германия. 2024. Вып. 2, № 14. С. 47–58. EDN: FQLALP.
- Бекмухаметова Д. Х.* Евреи в культурном пространстве Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 62–66. EDN: MSNZND.
- Коуэн Г.* Политика в области среднего и высшего образования в Австрии в конце XIX – начале XX вв. / пер. с англ. М.А. Бобрович // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 155–199.

- Сироткина Е.В.* Австрийские немцы в середине XIX – начале XX вв.: поиск национальной идентичности: дис. ... канд. ист. наук / Тамбов. гос. ун-т. Тамбов, 2008. 210 с.
- Шорске К.Э.* Вена на рубеже веков. Политика и культура / пер. с англ. М. Рейзина. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001. 520 с.
- Antisemitismus im 19. Jahrhundert aus internationaler Perspektive. Nineteenth century Anti-Semitism in international perspective / hrsg. von M. König, O. Schulz. Göttingen: V&R unipress, 2019. 359 p.
- Arendt H.* Die verborgene Tradition: Essays. Frankfurt: Jüdischer Verlag, 2000. 183 S.
- Beller S.* Vienna and the Jews, 1867–1938. A Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 271 p.
- Boyer J.* Karl Lueger (1844–1910). Christlichsoziale Politik als Beruf: Eine Biographie. Vienna: Böhlau, 2010. 595 S.
- Boyer J.* Political Radicalism in Late Imperial Vienna. Origins of the Christian Social Movement, 1848–1897. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 577 p.
- Bruckmüller E.* Die Entwicklung des Österreichbewußtsein // Österreichische Nationalgeschichte nach 1945. Bd. 1: Die Spiegel der Erinnerung: Die Sicht von innen / hrsg. von R. Kriechbaumer. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1998. S. 369–396.
- Cohen G.* Education and Middle-Class Society in Imperial Austria, 1848–1918. West Lafayette: Purdue University Press, 1996. 386 p. DOI: 10.2307/j.ctt6wq5gj.
- Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / hrsg. von P. Urbanitsch, A. Wandruszka. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. Bd. III: Die Völker des Reiches. Teil 2. 1471 S.
- Ehrlich A.* Karl Lueger. Die zwei Gesichter der Macht. Wien: Amalthea, 2010. 288 p.
- Geehr R. S.* Karl Lueger. Mayor of fin de siècle Vienna. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 409 p.
- Hamann B.* Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators. München: Piper, 1996. 652 S.
- Hödl K.* Entangled Entertainers. Jews and Popular Culture in Fin-de-Siècle Vienna. New York: Berghahn, 2019. 194 p.
- Horel C.* Multicultural Cities of the Habsburg Empire (1880–1914). Imagined Communities and Conflictual Encounters. Budapest: Central European University Press, 2023. 574 p. DOI: 10.7829/j.ctv2kzv0mg.
- Johnston W.* The Austrian Mind. An Intellectual and Social History, 1848–1938. Berkley: University of California Press, 1972. 542 p. DOI: 10.1525/9780520341159.
- Kohn H.* Karl Kraus, Arthur Schnitzler, Otto Weininger. Aus dem jüdischen Wien der Jahrhundertwende. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1962. 72 S.
- Leisching E.* Ein Leben für Kunst und Volksbildung: Erinnerungen. 1858–1938 / hrsg. von R. Kann, P. Leisching. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 242 S.
- Student Revolt, City, and Society in Europe. From the Middle Ages to the Present / eds. by P. Dhondt, E. Boran. New York: Routledge, 2018. 450 p.
- Surman J.* Universities in Imperial Austria, 1848–1918. West Lafayette: Purdue University Press, 2019. 460 p. DOI: 10.2307/j.ctv2x00vh0.
- Whiteside A.* The Socialism of Fools. Georg Ritter von Schönerer and Austrian Pan-Germanism. Berkeley: University of California Press, 1975. 404 p.
- Wien. Geschichte einer Stadt. Bd. 3: Von 1790 bis zur Gegenwart / hrsg. von P. Csendes, G. Oppl. Wien: Böhlau, 2006. 900 S.
- Wistrich R.* Karl Lueger and the Ambiguities of Viennese Antisemitism // Jewish Social Studies. 1983. Vol. 45, no. 3-4. P. 251–262.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.01.2025

KARL LUEGER'S ANTI-SEMITISM AND ITS INFLUENCE ON UNIVERSITIES IN AUSTRIA-HUNGARY

V. V. Bachenina

Ural Federal University, Mira str., 19, Yekaterinburg, 620062, Russia

v.v.bachenina@mail.ru

Researcher ID: OFN-3471-2025

SPIN: 7509-0737

This study investigates the strategic deployment of anti-Semitic rhetoric in the political agenda of the Christian Social Party (CSP) and its leader Karl Lueger (1897–1910) at the turn of the twentieth century. Its primary focus is the impact of this rhetoric on the transformation of higher education in the Austrian half of the Dual monarchy. The findings reveal that Lueger strategically utilized anti-Semitism as a tool for political mobilization, effectively blending anti-capitalist sentiments, nationalist aspirations and clerical ideology. This strategy relied on establishing a dichotomy between an «in-group» of Austrian Germans and a perceived «out-group» of Jewish individuals, tapping into widespread societal grievances fueled by rapid urbanization, economic competition, and anxieties over access to education and professional opportunities. The study identifies specific mechanisms through which the CSP and Lueger exerted their influence on the academic domain using anti-Semitic discourse. These included promoting German-nationalist values as superior to Jewish culture and lifestyles, discrediting the intellectual elite within universities, forging strong alliance with the Catholic Church, and exploiting fears about Jewish overrepresentation in universities, particularly in fields like medicine and law. Despite the absence of overt segregationist policies, the research suggests that Lueger's actions cultivated a climate of intolerance that restricted opportunities for Jewish academics and fostered the spread of anti-Semitic stereotypes among future leaders, often framing Jews as a threat to Christian values. Consequently, the activities of the CSP and Lueger within higher education contributed significantly to the politicization of anti-Semitism, thereby establishing a crucial ideological foundation for subsequent political initiatives in Austrian society and contributing to the broader historical trajectory of anti-Semitism in the twentieth century.

Key words: nationalism, anti-Semitism, university, Christian Social Party, Jews, re-Catholicization, Catholicism.

Acknowledgments

¹ This study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01067, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01067> (project “Loyalty and patriotism in a multi-ethnic society: indoctrination processes in the Habsburg Empire from the second half of the eighteenth to the early twentieth centuries”).

References

- Arendt, H. (2000). *Die verborgene Tradition: Essays*. Jüdischer Verlag.
- Bachenina, V. V. (2024). ‘From Austria-Hungary to the German Empire’: Communicative approach and identity analysis of the Georg von Schönerer’s Austrian Pangermanists in the late nineteenth century. *Imagines Mundi*, 14(2), 47–58.
- Bekmukhametova, D. Kh. (2010). The Jews in the cultural space of Austria-Hungary in the last third of the XIX – the beginning of the XX centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 3, 62–66.
- Beller, S. (1989). *Vienna and the Jews, 1867–1938: A cultural history*. Cambridge University Press.
- Boyer, J. W. (1981). *Political radicalism in late imperial Vienna: Origins of the Christian Social movement, 1848–1897*. University of Chicago Press.
- Boyer, J. W. (2010). *Karl Lueger (1844–1910): Christlichsoziale Politik als Beruf: Eine Biographie*. Böhlau.
- Bruckmüller, E. (1998). Die Entwicklung des Österreichbewußtsein. In G. Heiss & O. Rathkolb (Eds.), *Österreichische Nationalgeschichte nach 1945* (Vol. 1, pp. 369–396). Böhlau.
- Chaki, M. (2004). Art Nouveau in Vienna and Central Europe. *Rossiysko-avstriyskiy al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli*, 1, 170–190.
- Cohen, G. B. (1995). Policy in the field of secondary and higher education in Austria at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. In T. M. Islamov & A. I. Miller (Eds.), *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: The experience of a multinational state] (pp. 155–199). Institut slavyanovedeniya RAN.
- Cohen, G. B. (1996). *Education and middle-class society in imperial Austria, 1848–1918*. Purdue University Press.
- Dhondt, P., & Boran, E. (Eds.). (2018). *Student revolt, city, and society in Europe: From the Middle Ages to the present*. Routledge.
- Ehrlich, A. (2010). *Karl Lueger: Die zwei Gesichter der Macht*. Amalthea.

- Geehr, R. S. (1990). *Karl Lueger: Mayor of fin de siècle Vienna*. Wayne State University Press.
- Hamann, B. (1996). *Hitlers Wien: Lehrjahre eines Diktators*. Piper.
- Hödl, K. (2019). *Entangled entertainers: Jews and popular culture in Fin-de-Siècle Vienna*. Berghahn.
- Horel, C. (2023). *Multicultural cities of the Habsburg Empire (1880–1914): Imagined communities and conflictual encounters*. Central European University Press.
- Johnston, W. M. (1972). *The Austrian mind: An intellectual and social history, 1848–1938*. University of California Press.
- Kohn, H. (1962). *Karl Kraus, Arthur Schnitzler, Otto Weininger: Aus dem jüdischen Wien der Jahrhundertwende*. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag.
- König, M., & Schulz, O. (Eds.). (2019). *Antisemitismus im 19. Jahrhundert aus internationaler Perspektive = Nineteenth century Anti-Semitism in international perspective*. V&R unipress.
- Leisching, E. (1978). *Ein Leben für Kunst und Volksbildung: Erinnerungen. 1858–1938*. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Schorske, C. E. (2001). *Vena na rubezhe vekov: Politika i kul'tura* [Fin-de-Siècle Vienna: Politics and culture]. N. I. Novikov.
- Sirotkina, E. V. (2008). *Problema natsional'noy samoidentifikatsii avstriyskikh nemtsev v seredine XIX – nachale XX v.* [The problem of national self-identification of Austrian Germans in the mid-19th – early 20th centuries] [Doctoral dissertation, Tambov State University].
- Surman, J. (2019). *Universities in Imperial Austria, 1848–1918*. Purdue University Press.
- Urbanitsch, P., & Wandruszka, A. (Eds.). (1980). *Die Habsburgermonarchie 1848–1918: Vol. 3. Die Völker des Reiches* (Pt. 2). Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Whiteside, A. G. (1975). *The socialism of fools: Georg Ritter von Schönerer and Austrian Pan-Germanism*. University of California Press.
- Wien: Geschichte einer Stadt: Vol. 3. Von 1790 bis zur Gegenwart. (2006). (P. Csendes & F. Opll, Eds.). Böhlau.
- Wistrich, R. S. (1983). Karl Lueger and the ambiguities of Viennese Antisemitism. *Jewish Social Studies*, 45 (3–4), 251–262.